ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Декабря № 34 1886 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Гуситское движеніе въ первый періодъ его развитія (до смерти Гуса) и участіе въ немъ Пражскаго университета.

(Продолженіе).

Между тѣмъ слухи о томъ, что въ Чехіи все болѣе и болѣе распространяется какое-то еретическое ученіе, становились все сильнѣе и сильнѣе, и уже переступили предѣлы Чешскаго государства. Для короля Вячеслава IV такой не лестный отзывъ о его подданныхъ не могъ быть пріятенъ,—тѣмъ болѣе, что подобные слухи могли причинить вредъ его политическимъ и личнымъ разсчетамъ. И вотъ Вячеславъ обращается къ архіепископу Збинку, прося его провозгласить публично, что въ Чешской землѣ, по тщательномъ предварительномъ изслѣдованіи, не оказалось ни одного еретика (1408 г.). Это и сдѣлалъ архіепископъ на синодѣ. Но опасаясь вѣроятно, чтобы не подвергнуться отвѣтственности въ послѣдствіи самому за такой поступокъ, Збинекъ тутъ же нарядилъ духовенству, чтобы оно сообщало съ проповѣдническихъ каѳедръ народу, что хлѣбъ и вино пресущест-

вляются въ евхаристіи въ истинное Тѣло Христово и въ истинную Кровь Христову. Уже и этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что провозглашеніе архіепископа (о томъ, что въ землѣ Чешской нѣтъ ни одного еретика) было сдѣлано исключительно въ угоду королю, а что самъ Збинекъ былъ въ душѣ совершенно противоположнаго мнѣнія. Слѣдующее же распоряженіе, сдѣланное архіепископомъ одновременно съ этимъ провозглашеніемъ, еще болѣе подтверждаетъ наши догадки: «всѣ сочиненія Виклефа, кто бы ни имѣлъ ихъ у себя, должны быть немедленно представлены на архіепископскій дворъ для тщательнаго расмотрѣнія ихъ, послѣ коего должны быть подвергнуты сожженію тѣ изъ сочиненій, въ которыхъ окажутся еретическія мысли».

Изъ этого распоряженія архіепископа Збинка можно видѣть, что Гусъ уже началъ терять въ его глазахъ то значеніе, какое онъ имѣлъ ранѣе: прежде Збинекъ до того былъ увѣренъ въ преданности Гуса католичеству, что поручилъ ему слѣдить за всѣмъ діоцезомъ и доносить о ересяхъ и еретикахъ, если таковые окажутся въ діоцезѣ. Теперь же самъ Гусъ привлекался косвеннымъ образомъ къ суду архіепископа, какъ имѣющій у себя экземпляръ сочиненій Виклефа. Гусъ ясно понялъ это, и первый подалъ своимъ сторонникамъ примѣръ покорности волѣ архіепископа, представивъ во дворъ его имѣющіяся у себя сочиненія Виклефа. По примѣру Гуса представили на дворъ архіепископа всѣ сочиненія Виклефа и другіе, которые имѣли ихъ у себя, за исключеніемъ 5 студентовъ Пражскаго университета, которые обратились съ жалобой на архіепископа за его распоряженіе къ самому папѣ. Народъ, который уже былъ отчасти знакомъ съ содержаніемъ сочиненій Виклефа и раздѣлялъ мысли этого ученаго, благодаря проповѣднической дѣятельности Гуса и его сторонниковъ (а въ Гуса народъ вѣрилъ какъ въ себя самого, какъ въ носителя мнѣній и убѣжденій цѣлаго народа, а потому то, что́ одобрялъ Гусъ, было священно въ глазахъ народа), поднялъ ропотъ вслѣдствіе распоряженія архіепископа: на улицахъ и площадяхъ явились разныя пасквильныя объявленія про архіепископа и его сторонниковъ.

Гусъ и другіе магистры Чешской націи ясно видѣли, что распоряженіе Збинка относительно сочиненій Виклефа было сдѣлано по проискамъ столь ненавистныхъ имъ нѣмцевъ: самому Збинку, человѣку безхарактерному, не дальновидному и въ добавокъ малосвѣдущему въ богословскихъ предметахъ, никогда не пришла бы мысль потребовать къ себѣ отъ магистровъ Пражскаго университета всѣ сочиненія Виклефа на свой дворъ для разсмотрѣнія. Нужно было, слѣдовательно, парализовать вліяніе нѣмцевъ, старавшихся всячески затормозить чешскую народность, свести ее на задній планъ. Обстоятельства современныя какъ нельзя лучше благопріятствовали этому. Еще до этого въ Римской церкви возникъ такъ называемый въ исторіи папскій расколъ: одновременно занимали папскій престолъ два лица—Иннокентій VII въ Римѣ и Бенедиктъ XIII въ Авиньонѣ. И тотъ и другой осыпали другъ друга проклятіями. Добрыхъ послѣдствій отъ этого раздвоенія ожидать было, конечно, трудно, тѣмъ болѣе, что тотъ и другой имѣли на своей сторонѣ сильныя поддержки. Весь католическій міръ съ болѣзненной грустью смотрѣлъ на это жалкое явленіе и утѣшалъ себя тою лишь надеждою, что смерть одного папы положитъ конецъ расколу. Не тутъ-то было! По смерти Иннокентія VII римскіе кардиналы, не желая признать папой Бенедикта XIII, поспѣшили избрать новаго папу, Григорія XII. Опять тотъ же расколъ!

Но нужно же было положить этому конецъ: единственнымъ путемъ къ этому было, по мнѣнію тогдашнихъ вліятельныхъ королей,—созваніе собора, который бы низложилъ того и другаго папу и избралъ бы одного, новаго. Первый подалъ эту мысль король французскій, къ которому присоединился и Чешскій король Вячеславъ IV. И вотъ Вячеславъ издалъ постановленіе (въ декабрѣ 1408 г.), чтобы ни одинъ католикъ чешскаго королевства не осмѣливался, до имѣющаго быть собора, оказывать повиновеніе ни Григорію XII, ни Бенедикту XIII. Чешскій народъ и чешская партія при университетѣ съ готовностію подчинились этому постановленію. Но архіепископъ Збинекъ и магистры-нѣмцы Пражскаго университета не хотѣли подчиниться на этотъ разъ волѣ короля.

Раздраженный Вячеславъ потребовалъ къ себѣ ректора университета и нѣкоторыхъ изъ вліятельныхъ профессоровъ нѣмецкой партіи, но тѣ категорически заявили королю, что они признаютъ папою Григорія XII. Между тѣмъ привлечь университетъ во главѣ его представителей на свою сторону для короля было очень важно, такъ какъ Пражскій университетъ былъ въ то время въ глазахъ всей Европы однимъ изъ важнѣйшихъ авторитетовъ въ обсужденіи важныхъ вопросовъ. Вотъ тутъ-то и пришла Чешской партіи университетской мысль—и выручитъ короля изъ его затруднительнаго положенія и привести въ исполненіе свое затаенное желаніе, взять верхъ надъ нѣмцами во всѣхъ правахъ и преимуществахъ при университетѣ. Съ этою цѣлію отъ лица Чешской университетской партіи была отправлена къ королю депутація во главѣ магистра Яна Гуса съ просьбою—предоставить право на 3 голоса въ университетѣ Чехамъ, какъ хозяевамъ страны, одинъ же, принадлежавшій доселѣ Чехамъ, предоставить иностранцамъ, какъ это сдѣлано въ Парижскомъ университетѣ, по образцу потораго собственно строился и Пражскій университетъ. Король, вѣроятно не сообразившій сначала всѣхъ тѣхъ выгодъ, какія онъ могъ извлечь для себя, удовлетворивъ просьбу Чеховъ, принялъ Чешскую депутацію очень грубо: зная, что Гусъ,—этотъ главный виновникъ религіознаго движенія въ Чехіи, бывшій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ самой тѣсной дружбѣ съ Пражскимъ архіепископомъ Збинкомъ и даже имѣвшій на него сильное вліяніе,—не только потерялъ теперь въ глазахъ архіепископа прежнее значеніе, но и подпалъ его гнѣву, обличивъ его за жестокое отношеніе къ знаменитому проповѣднику Николаю Веленовицкому, заподозрѣнному отъ архіепископа въ ереси,—зная все это, король Вячеславъ сдѣлалъ Гусу строгій выговоръ, прямо называя его и друга его Іеронима единственными виновниками всѣхъ волненій въ Чехіи и грозя въ тоже время прибѣгнуть къ крутымъ мѣрамъ для водворенія церковныхъ порядковъ. Представителямъ же нѣмецкой партіи университета, провѣдавшей о козняхъ противъ нея Чеховъ, Вячеславъ далъ обѣщаніе рѣшить дѣло въ ихъ пользу [1]).

[1]) Tomek. Deje university Prazské. dil. 1. Odd. II. pag. 146

Но такой пріемъ короля не остановилъ Чеховъ: они нашли для себя доступъ и расположеніе короля чрезъ главнаго королевскаго секретаря Николая Лобковецкаго. Этотъ незамѣтно сталъ настраивать короля въ пользу Чеховъ, доказывая, что Чехи должны имѣть въ университетѣ преимущество предъ нѣмцами, уже по самой мысли основателя университета Карла IV, который, основывая университетъ въ Прагѣ, всегда имѣлъ предъ глазами за образецъ Парижскій университетъ, гдѣ-какъ извѣстно—французы всегда имѣли 3 голоса, 4-й же принадлежалъ иностраннымъ народамъ безъ раздѣла. Вячеславъ, уже встрѣтившій себѣ отпоръ со стороны нѣмецкой университетской партіи, пользовавшейся доселѣ 3 голосами,—отпоръ въ своемъ добромъ намѣреніи—уничтожить папскій расколъ, не на шутку задумался надъ словами Лобковецкаго: вѣдь если Чехи получатъ по его волѣ 3 голоса, а нѣмцы будутъ имѣть одинъ, то университетъ, очевидно, будетъ на сторонѣ Вячеслава, такъ какъ Чехи и прежде съ готовностію подчинились его требованію быть въ нейтральномъ положеніи къ обоимъ папамъ. И вотъ 18 генваря 1409 года король Вячеславъ издаетъ декретъ на имя ректора университета, повелѣвая отселѣ Чехамъ имѣть 3 голоса во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Пражскаго университета, а всѣмъ не-Чехамъ, принадлежащимъ къ баварской, саксонской и польской національностямъ, одинъ голосъ. Главная мысль, на которой обосновывалъ Вячеславъ свой декретъ, слѣдующая: Чехи—коренные хозяева Чешской земли, нѣмцы же—пришельцы; Пражскій университетъ находится въ Чешской землѣ, а потому Чехи и должны занимать въ немъ первенствующее мѣсто, нѣмцы же должны пользоваться правами и привиллегіями университета настолько же, насколько пользуются ими иностранцы и въ другихъ университетахъ—Парижскомъ, по образцу котораго основанъ и Пражскій, въ Ломбардскихъ и Итальянскихъ.

Этимъ королевскимъ декретомъ былъ нанесенъ нѣмцамъ такой сильный ударъ, какого они никакъ не ожидали. Лишиться правъ и привиллегій, которыми они пользовались въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ, для нѣмцевъ было тяжело. И вотъ была подана королю отъ

3-хъ націй Пражскаго университета—Баварской, Са-ксонской и Польской—жалоба, въ которой просили корол- отмѣнить свое жестокое и якобы неправильное рѣшені- и возвратить 3 голоса тѣмъ, которые пользовались им- съ самаго основанія университета, даже грозили въ случаѣ не уступокъ короля, оставить Прагу; соглашалис- и на небезвыгодныя для нихъ уступки (отдѣлить Чехов- отъ университета и дать имъ право на особый универси-тетъ, какъ нѣчто подобное было въ Болоньи). Но ничт- не могло поколебать воли короля, который теперь ещ- болѣе старался закрѣпить свое рѣшеніе новыми распо-ряженіями и разъясненіями по университету, замѣнив- прежнихъ, ректора университета и декана факультет- свободныхъ наукъ—нѣмцевъ новыми изъ коренныхъ Че-ховъ. Видя, что король твердъ въ своемъ рѣшеніи и чт- переворотъ, сдѣланный этимъ рѣшеніемъ въ универси-тетѣ, останется уже навсегда, нѣмцы, вѣрные своим- угрозамъ, оставили Прагу и Пражскій университетъ, въ количествѣ пяти тысячъ (магистры, бакалавры и сту-денты) разошлись по разнымъ странамъ [1]).

Такъ осуществилось само собою давнишнее желані- Чеховъ. Никто не сознавалъ такъ ясно и отчетливо всѣх- тѣхъ выгодъ, какія пріобрѣталъ Чешскій народъ съ ух-домъ нѣмцевъ, кромѣ самого Гуса, который былъ гла-нымъ двигателемъ національнаго желанія. Теперь уни-верситетъ дѣлался достояніемъ Чеховъ и интересы на-рода будутъ и интересами университета. Доселѣ Пра-скій университетъ въ лицѣ своихъ представителей, большей части, нѣмцевъ, былъ на стражѣ католичеств- каждая добрая мысль, вышедшая изъ устъ Чеха, жела-шаго очистить Римскую церковь отъ тѣхъ паростовъ, кот-рыми надѣлило ее духовенство, была подавляема ун-верситетомъ. Чехи ясно видѣли, что во время ректо-ства Яна Гуса и вицеканцлерства Николая Лютомышл-скаго магистры нѣмецкой партіи, хотя и имѣвшей въ время всѣ права и преимущества, не могли стѣснить св-боды мысли Чеховъ. Тѣмъ болѣе этого нужно ожид- теперь, когда большинство иностранцевъ оставило у-

1) Tomek. Deje university Prazske, Dil. I. odd. II. pag. 146—1

верситетъ и когда 3 голоса перешли въ руки Чеховъ. Это какъ нельзя лучше, повторяемъ, сознавалъ самъ Гусъ: «Дѣти!» говорилъ Гусъ съ церковной каѳедры вскорѣ послѣ оставленія нѣмцами университета и Праги: «да прославленъ будетъ Всемогущій Богъ за то, что мы выгнали нѣмцевъ и достигли того, чего желали. Мы—витязи; особенно благодарите Николая Лобковецкаго, потому что онъ это выхлопоталъ у короля по нашимъ просьбамъ» [1]).

Между тѣмъ король, ставшій очевидно на сторону Чеховъ, продолжалъ новыми постановленіями пояснять свой декретъ отъ 18 генваря: въ сентябрѣ того же 1409 года Вячеславъ IV далъ на имя университета новый декретъ, предписывающій выбирать ректора на будущее время изъ 4 кандидатовъ, трое изъ которыхъ должны быть представлены отъ Чешскаго народа, четвертый же отъ всѣхъ иностранныхъ народовъ. Въ тоже время вмѣнялось въ обязанность ректору и всѣмъ членамъ университета присягать въ вѣрности Чешскому королю. Первымъ ректоромъ по новому положенію былъ избранъ магистръ Янъ Гусъ, высоко стоящій въ глазахъ народа въ умственномъ и особенно нравственномъ отношеніи [2]) Но отношенія архіепископа къ Гусу нисколько неулучшились отъ этого. Впрочемъ Гусъ и не старался заискивать расположенія архіепископа; онъ по прежнему проповѣдывалъ въ Виѳлеемской часовнѣ, часто касаясь въ своихъ проповѣдяхъ безнравственной жизни духовенства. Но чѣмъ шире раскрывалъ Гусъ свои идеи народу, тѣмъ сильнѣе раздражалось противъ него духовенство: оно горѣло желаніемъ отмстить Гусу при первомъ благопріятномъ случаѣ и, если не обличить его прямо въ ереси, то по крайней мѣрѣ запретить ему вооружать народъ противъ духовенства. Разрывъ дружескихъ отношеній между Гусомъ и архіепископомъ какъ нельзя болѣе благопріятствовалъ осуще-

---

1) Tomek. Deje university Prazske. odd. III. pag. 155. Эти слова были выставлены на соборѣ Констанцкомъ, какъ одно изъ обвиненій противъ Гуса.

2) Свѣдѣнія о ректорствѣ Гуса въ 1409 г. находятся только въ рукописи Пражскаго капитула 0. LXXI. fol. 196. Tomek. Deje university Prazske dil. I.. odd. II. p. 156.

ствленію этого желанія духовенства. Еще въ 1408 г., прежде чѣмъ былъ поднятъ въ университетѣ вопросъ о 3 голосахъ, враги Гуса, узнавъ о происшедшемъ разрывѣ между архіепископомъ и имъ, отъ имени Пражскаго и всего діоцеза духовенства подали жалобу къ архіепископу, обвиняя Гуса въ томъ, что онъ 1) учитъ въ своихъ проповѣдяхъ не давать священникамъ денегъ за совершеніе разныхъ требъ и таинствъ, обзывая еретиками всѣхъ священниковъ; 2) высказываетъ неоднократно желаніе быть по смерти тамъ же, гдѣ и душа Виклефа, распространяя еретическое ученіе этого послѣдняго и все болѣе и болѣе привлекая на свою сторону раздѣляющихъ это ученіе; 3) не смотря на запрещеніе, проповѣдуетъ противъ всего духовенства и этимъ вооружаетъ простой народъ противъ церкви.

Архіепископъ Пражскій передалъ дѣло на разсмотрѣніе признаваемаго имъ и его партіей папы Григорія XII. Но сдѣлать надлежащее распоряженіе по этому дѣлу Григорію XII не пришлось, такъ какъ Пизанскій соборъ избралъ новаго папу Александра V (1409 г.), свергнувъ Григорія XII и Бенедикта XIII. Университетъ съ готовностію призналъ новаго папу главой церкви; не могли не признать его и архіепископъ съ духовенствомъ, такъ какъ король Вячеславъ прибѣгъ на этотъ разъ къ мѣрамъ насильственнымъ. Да и для самого духовенства не безполезно было признать вновь избраннаго папу главою Римской церкви, такъ какъ онъ въ силу своего главенства, скорѣе станетъ отстаивать въ возникшей у Чеховъ религіозной распрѣ интересы церкви, а слѣдовательно и духовенства, чѣмъ интересы Чеховъ. И духовенство не замедлило воспользоваться выборомъ новаго папы: Збинку представлена была новая жалоба на магистра Гуса, которую архіепископъ передалъ на разсмотрѣніе папы Александра V. Кромѣ прежнихъ, уже указанныхъ нами обвиненій, въ этотъ доносъ были внесены и другія. Вновь Гусъ обвинялся въ томъ, что не признаетъ присутствія дѣйствующей благодати въ священникѣ, находящемся подъ смертнымъ грѣхомъ, обзываетъ Римскую церковь резиденціей антихриста; отрицаетъ значеніе анаѳемы представителей церкви; есть главный

виновникъ раздора между Чехами и нѣмцами; своими проповѣдями возбуждаетъ народъ до бѣшенства.

На всѣ эти обвиненія Гусъ даетъ отвѣтъ въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ сочиненій и всѣ отвѣты его дышутъ искренностію. Онъ признается, что обозвалъ Римскую церковь и, частнѣе, Римскій дворъ папскій мѣстомъ сѣдалища антихриста, и становится въ тупикъ, какимъ образомъ не знаютъ этой общеизвѣстной истины и засвидѣтельствованной св. мужами сами доносчики; онъ не отрицаетъ и того, что проповѣдывалъ противъ взиманія денегъ за совершеніе требъ, и опять таки искренно удивляется, почему противъ этого не нашелъ нужнымъ возразить ему архіепископъ, въ присутствіи и по просьбѣ котораго онъ, Гусъ, не однократно возвѣщалъ это публично, въ синодѣ, всякій разъ представляя списокъ проповѣди на просмотръ архіепископа [1]), только отрицаетъ Гусъ то обвиненіе, будто бы онъ былъ причиною раздора между Чехами и нѣмцами, чистосердечно признаваясь, что его убѣжденіе—относиться ко всѣмъ лицамъ безпристрастно, и что добрый нѣмецъ стоитъ въ его глазахъ несравненно выше, чѣмъ дурной Чехъ, хотя бы послѣдній былъ его родной братъ.

Чтобы папа Александръ V могъ добросовѣстнѣе отнестись къ представленной ему отъ духовенства жалобѣ, Гусъ послалъ въ Римъ отъ себя уполномоченныхъ, которые должны были разъяснить папѣ дѣло, представить его въ истинномъ видѣ. Благодаря дѣятельности этихъ уполномоченныхъ, дѣло приняло—было оборотъ, благопріятный для Гуса. Но архіепископъ Пражскій, опасаясь за благопріятный для себя исходъ дѣла, послалъ къ римскому двору пословъ съ богатыми дарами и для папы

---

[1]) Не безинтересно привести здѣсь слѣдующій фактъ, мало говорящій въ пользу архіепископа Пражскаго Збинка. Приказавъ Гусу дать объясненіе на всѣ взводимыя на него обвиненія, Збинекъ требуетъ отвѣта на слѣдующій странный вопросъ: «по какому праву Гусъ проповѣдуетъ въ Виѳлеемской часовнѣ и по чьему распоряженію существуетъ самая часовня». Гусъ конечно не затруднился удовлетворить требованіе архіепископа, скромно напомнивъ ему, что часовня существуетъ уже 18 лѣтъ, имѣетъ всѣ доказательства на законность своего существованія.

и для кардиналовъ. Подарки сдѣлали свое дѣло: прежнее постановленіе въ пользу Гуса (оно еще не было отослано по принадлежности) было уничтожено и рѣшено было (по предварительномъ тщательномъ (?) разсмотрѣніи) такъ именно, какъ только могъ желать того архіепископъ Пражскій, настроенный врагами Гуса. Буллой отъ 20 декабря 1409 г. папа Александръ V предписывалъ архіепископу Пражскому пресѣчь быстро распространяющуюся въ Чешскомъ королевствѣ и Моравскомъ марграфствѣ ересь (а главнымъ образомъ ученіе Виклефа, сочиненія котораго предписывалось отобрать) всѣми находящимися въ распоряженіи архіепископа средствами въ помощники себѣ архіепископъ долженъ былъ выбрать 4 магистровъ богословія и двухъ докторовъ правъ. Этой же буллой папа запрещалъ проповѣдывать въ *часовнях*

Появленіе этой буллы произвело въ Прагѣ всеобщій переполохъ, который еще болѣе усилился, когда избранная архіепископомъ коммиссія магистровъ и докторовъ разсмотрѣвъ сочиненія Виклефа, признала всѣ ихъ безъ исключенія за еретическія.... Янъ Гусъ и вся университетская корпорація пришли въ сильное возбужденіе при вѣсти о рѣшеніи коммиссіи. Гусъ протестовалъ даже противъ самой папской буллы, хорошо зная, что она добыта подкупомъ. Университетъ же на 15 іюня 1410 года (папская булла явилась въ Прагѣ очень поздно—въ половинѣ марта 1410 г.) назначилъ чрезвычайное собраніе подъ предсѣдательствомъ ректора университета Яна Шинденъ. На этомъ собраніи было единогласно рѣшено всѣми силами воспрепятствовать сожженію сочиненій Виклефа, такъ какъ въ этомъ сожженіи университетъ видѣлъ вредъ не только для себя, но и для короля и королевства. Съ этою цѣлію рѣшено было просить ходатайства короля.

Не бездѣятельны оставались и враги Гуса: 16 іюня въ синодѣ духовенства архіепископъ Пражскій объявилъ свое послѣднее рѣшеніе, по которому бóльшая часть сочиненій Виклефа, разсмотрѣнныхъ архіепископомъ и выборной коммиссіей, осуждалась на сожженіе. Король, имѣвшій сильное вліяніе на архіепископа, сдѣлалъ ему запросъ—какъ онъ думаетъ поступить съ отобранны

сочиненіями Виклефа. Боясь короля, архіепископъ отвѣтилъ ему, что безъ воли его, короля, онъ ничего не предприметъ относительно сочиненій Виклефа, и вообще обѣщалъ не предпринять ничего до пріѣзда въ Прагу маргграфа Моравскаго Ешта, человѣка ученаго,—какъ этого желалъ самъ же король. Въ это же время Пражскій университетъ еще сильнѣе принялъ сторону Гуса: за университетской печатью было разослано къ обывателямъ Чешскаго королевства объявленіе, въ которомъ говорилось, что «университетъ протестуетъ противъ рѣшенія архіепископа сожечь книги Виклефа»[1]). Обстоятельства повидимому благопріятствовали защитникамъ книгъ Виклефа: папа Александръ V, издавшій грозную для Гуса и его друзей буллу, умеръ въ маѣ 1410 г., такъ что самая булла была объявлена уже по смерти папы. На папскій престолъ вступилъ теперь Іоаннъ XXIII, одинъ изъ самыхъ развратнѣйшихъ и безнравственнѣйшихъ папъ. Такъ какъ въ практикѣ римскихъ папъ было —уничтожать законность и силу буллъ своихъ предшественниковъ, то Гусъ и многіе изъ магистровъ университета обратились къ новому папѣ съ жалобой на архіепископа Збинка. Высказавъ, что булла отъ папы Александра V добыта безнравственными средствами (подкупомъ) и выразивъ въ тоже время подозрѣніе, не фальшивая ли самая булла (чрезъ поддѣлку подъ руку папы и вицеканцлера, обоихъ теперь умершихъ), скрѣпившіе своею подписью жалобу выставляли основанія противъ папской буллы и противъ сожженія книгъ Виклефа. Сила буллы отвергалась тѣмъ, что объявлена она была послѣ смерти Александра V. Рѣшеніе же сожечь сочиненія Виклефа обзывалось самымъ нелѣпымъ. Такъ говорилось въ жалобѣ, что въ ветхомъ завѣтѣ было много благочестивыхъ мужей, которые фундаментальное образованіе получили чрезъ изученіе языческихъ сочиненій и однако не измѣнили іудейской вѣрѣ, таковы были Моисей, Даніилъ и др., что жечь тѣ сочиненія Виклефа, которыя не затрогиваютъ собою ученія церкви (сочиненія по логикѣ, философіи, математикѣ, физикѣ) такъ же неразумно, какъ

---

1) Tomek. 168. г.

нелѣпо было бы сжечь сочиненія Аристотеля, содержащія въ себѣ много еретическаго; что не должно сожигать и прямо еретическія сочиненія, въ интересахъ самой же церкви,—иначе церковь никогда не въ состояніи будетъ отразить отъ себя нападки еретиковъ; что по мысли Збинка нужно будетъ сжечь и сочиненія Оригена и нѣкоторыхъ отцевъ церкви, у которыхъ тоже не рѣдко проглядываютъ мысли еретическія; что архіепископъ понялъ предписаніе буллы «удалить Виклефовы книги съ глазъ вѣрующихъ» слишкомъ крайне; что выборная коммиссія даже не могла въ столь короткое время пересмотрѣть сочиненія Виклефа настолько внимательно, чтобы имѣть право осудить ихъ на сожженіе; что, наконецъ, запрещеніе проповѣдывать въ Виѳлеемской и другихъ часовняхъ противно духу священнаго Писанія: Самъ Спаситель проповѣдывалъ всюду и своимъ ученикамъ заповѣдалъ, сказавъ—*шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари*. Вотъ сущность аппелляціи, поданной папѣ Іоанну XXIII.

О ходѣ дѣла Гусъ тотчасъ же увѣдомлялъ народъ Чешскій чрезъ Виѳлеемскую часовню, чѣмъ ясно доказывалъ, что его личные интересы суть въ тоже время интересы и всего Чешскаго народа. Онъ сообщилъ народу о буллѣ папы Александра V и о ея несостоятельности, о несправедливости прелатовъ, увѣдомившихъ папскій дворъ, что въ Чехіи цѣлыя массы заражены ересью. И эти сообщенія народъ принялъ какъ касающіяся его, какъ личное оскорбленіе. «Лгутъ, лгутъ!» кричалъ съ непритворнымъ негодованіемъ народъ, слыша то, что̀ говорилъ магистръ Гусъ [1]).

Между тѣмъ слухи о томъ, что Гусъ и магистры аппеллировали къ папѣ Іоанну XXIII, не могли не дойти до его враговъ. Опасаясь, какъ бы новый папа, въ силу аппелляціи Гуса и существующей въ Римской церкви практики, не отмѣнилъ буллу прежняго папы, архіепископъ Збинекъ рѣшилъ заблаговременно привести эту буллу въ исполненіе,—тѣмъ болѣе, что Ештъ, неизвѣстно по какимъ обстоятельствамъ, не явился въ Прагу. И вотъ 16 іюля 1410 года созвано было архіепископомъ Праж-

---

1) Tomek. dil. l. odd. III p. 170.

скимъ все духовенство Пражское на архіепископскій дворъ, чтобы присутствовать при торжественной церемоніи сожженія Виклефовыхъ книгъ. Дабы предупредить могущее быть насиліе со стороны партіи Гуса и тѣмъ спокойнѣе совершить желанную операцію, дворъ архіепископа былъ окруженъ полиціей. Во время самаго процесса горѣнія раздавался повсюду погребальный заунывный звонъ, на самомъ дворѣ пѣлась пѣснь «Te Deum laudamus». 19 же іюля Збинэкъ наложилъ проклятіе на Гуса и всѣхъ тѣхъ, которые не подчинялись его и папскому рѣшенію.

И такъ—книги Виклефа, эта искра разросшаяся въ неугасимое пламя, теперь сожжены; самъ Гусъ и тѣ, которые протестовали противъ воли архіепископа, подвергнуты анаѳемѣ. И тотъ и другой фактъ доставили величайшее удовольствіе врагамъ Гуса, обольщавшимъ теперь себя надеждою, что всему уже положенъ конецъ, когда уничтожено яблоко раздора и стѣснена нравственная сила главнаго виновника споровъ. На дѣлѣ же оказалось, что радость была преждевременна. Вмѣсто ожидаемаго прекращенія разногласія, сожженіе книгъ Виклефа и проклятіе, произнесенное на Гуса и его сторонниковъ, породили такіе споры, которые могли быть уничтожены только лишь соборомъ. Прага раздѣлилась теперь на два враждебныхъ лагеря: во главѣ одной партіи стоялъ архіепископъ, во главѣ же другой—Янъ Гусъ. На сторонѣ архіепископа была большая часть духовенства, на сторонѣ же Гуса—Чешскій народъ и большая часть университета; послѣдняя партія, болѣе сильная по численности, уступала все-таки первой по положенію. Сожженіемъ Виклефовыхъ сочиненій нанесено было оскорбленіе—не Виклефу и не Гусу, но университетской корпораціи. Вѣдь сожжены были не 45 выбраныхъ положеній Виклефа, но бо́льшая часть его сочиненій, имѣющихъ чисто научное значеніе. Самъ Пражскій университетъ никогда не раздѣлялъ мыслей, заключающихся въ 45 положеніяхъ, когда самъ же, на особомъ собраніи, запретилъ распространять ихъ въ еретическомъ смыслѣ, каковое постановленіе отнюдь не свидѣтельствуетъ, чтобы магистры еретическій смыслъ 45 положеній считали за не еретическій. Для университета были дороги ученья

сочиненія Виклефа, относящіяся къ разнымъ отраслямъ науки и, по самому своему научному характеру, недоступныя для народной массы и, слѣд. не грозящія произвести ересь. Сама же университетская корпорація конечно могла отличить, что согласно съ ученіемъ церкви и что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ нимъ. И это университетъ доказалъ своимъ врагамъ на дѣлѣ. Спустя недѣлю послѣ сожженія сочиненій Виклефа, Гусъ публично доказывалъ въ университетѣ, что Виклефово «De Tvinifete» не содержитъ въ себѣ и тѣни еретическаго; за Гусомъ выступили на защиту другихъ сочиненій Виклефа другіе магистры университета—Якубекъ Стржибрскій, Симонъ Тишновъ и многіе другіе. Не остался безучастенъ къ Гусу и народъ: враждебныя партіи часто доказывали свою правоту кулачнымъ правомъ, явилось множество пасквильныхъ пѣсенъ, направленныхъ противъ архіепископа и духовенства. Король Вячеславъ, для котораго лично книги Виклефа не имѣли ни малѣйшаго интереса, пришелъ въ негодованіе при вѣсти о сожженіи Виклефовыхъ сочиненій; онъ былъ обманутъ архіепископомъ, давшимъ слово ничего не предпринимать безъ воли короля. Оскорбленный король потребовалъ отъ архіепископа, чтобы онъ вознаградилъ всѣхъ тѣхъ, у кого отобралъ сочиненія Виклефа.

(Продолженіе будетъ).

Изъ прошлаго въ области религіозно-нравственной жизни на Волыни.

(Изъ воспоминаній и разсказовъ моего отца).

(Продолженіе).

II.

1. *Неудавшійся жидовскій ученый споръ съ сельскимъ батюшкой.*

Въ старые годы, когда такъ въ модѣ были разные ученые диспуты и коллоквіи, на диспуты этого рода пу-

скались не одни только Кіевскіе академисты и школьники Іезуитскихъ коллегій, но и славные раввины Еврейскіе. Въ особенности любили они заводить споры съ бѣдными, необразованными, православными батюшками. Благо, польскіе паны всегда рады были потѣшиться надъ несчастнымъ попомъ хоть бы и при помощи жидовской казуистики.

Вотъ одинъ-то изъ такихъ раввиновъ появился въ село и прямо къ пану съ просьбою, чтобы тотт заставилъ swego popa (*свого* (?) попа) поспорить съ нимъ жидомъ публично о вѣрѣ. Священнику отказываться нельзя было ни подъ какимъ условіемъ. Иначе панъ готовъ употребить самое грубое насиліе, чтобы достигнуть желанной цѣли; пожалуй, при случаѣ для этого не пожалѣетъ и своей панской нагайки. Пойти же на споръ для священника значило тоже, что завѣдомо осудить себя на вѣрную погибель; потому что какъ можно было бѣдному попу, незнавшему ничего дальше Псалтири, переспорить жида, съѣвшаго, что называется, зубы на талмудѣ, и теперь прибывшаго на споръ во всеоружіи разныхъ мидрашей, тейлемовъ, торы, мишны, и пр. и пр. А условія спора были ужасны. Тотъ, кто переспоритъ, долженъ сбросить потерпѣвшаго пораженіе съ церковной колокольни *на смерть* внизъ головою.

Канунъ страшнаго дня. Завтра жидъ и несчастный батюшка, по распоряженію помѣщика, должны явиться утромъ посреди села, на особо устроенной эстрадѣ, для диспута въ виду всего села и многаго множества пановъ, панѣй и панянокъ, нарочито приглашенныхъ помѣщикомъ со всѣхъ сосѣднихъ селеній ради потѣхи. Ожидается и цѣлая орава бѣлыхъ, чорныхъ и всякихъ другихъ цвѣтовъ латинскихъ ксендзовъ и монаховъ, уже заранѣе потиравшихъ руки отъ удовольствія и на радостяхъ потчивавшихъ другъ друга кто краковскимъ, кто виленскимъ, а кто варшавскимъ нюхательнымъ табакомъ въ ожиданіи неминуемой погибели ненавистнаго попа хлопской вяры.

Солнце давно уже сѣло за зелѣнѣющія пригорки и поляны, окружающіе село. Священникъ поблагословилъ жену и дѣтей своихъ *на смерть*, и чтобы не видѣть ихъ слезъ и горя неисходнаго, отправилъ ихъ подальше отъ

себя, къ сосѣднему родичу, а самъ помолился крѣпко Господу Богу предъ домашнею иконою; его даже не пустили въ церковь, потому что ключи находились у мѣстнаго жидка арендатора, который радъ былъ случаю излить свою злобу на несчастнаго, убѣждавшаго нерѣдко своихъ прихожанъ не пить водки до пьянства. За симъ священникъ взялъ въ руки неизмѣнную свою спутницу—псалтирь, и сталъ читать при свѣтѣ ночника, всецѣло предавъ себя въ руки Единаго милосердія божественнаго.

Не долго впрочемъ читалъ онъ знакомыя строки. Завтрешній день со всѣми своими ужасами все мрачнѣе и мрачнѣе представлялся его душѣ, и какъ кошемаръ какой давилъ его сердце и волю. Вѣдь придется же завтра со стыдомъ умереть отъ руки поганаго жида. На кого же останется его несчастная семья? Кто пристроитъ его дѣтей, дастъ имъ хоть какое либо воспитаніе? Не запишетъ ли ихъ панъ въ холопство вѣчное, страшное безпощадное? Не пуститъ ли по міру жену его безъ куска хлѣба, безъ всякаго призора и утѣшенія?

И какъ ни крѣпился несчастный при людяхъ, теперь на единѣ онъ не выдержалъ, и слезы градомъ полились на псалтирь, въ которой заключалось все его спасеніе...

Вдругъ дверь отворяется въ комнату и въ нее неслышными шагами входитъ наймытъ (служка) батюшки и становится тихо у порога. Съ заплаканными глазами батюшка не сразу могъ узнать пришедшаго; когда же узналъ, то въ недоумѣніи спросилъ:

— Що тобі треба Петре?—

— Пустіть мене, паноче, завтра побалакать зъ поганючымъ жидюгою, отвѣчалъ на прямки Петръ, и для усиленія своей просьбы тутъ же поклонился батюшкѣ въ ноги.

А нужно замѣтить, что по правиламъ старинныхъ диспутовъ диспутанты, въ случаѣ своей несостоятельности, имѣли право подставлять другихъ вмѣсто себя, хотя условія диспута оставались за первоначальными дѣйствующими лицами, такъ что если бы жидъ переспорилъ Петра, то съ колокольни долженъ быть сброшенъ все таки не онъ—Петръ, а самъ батюшка.

Долго послѣдній спорилъ съ Петромъ на счетъ его предложенія, но въ концѣ концовъ, зная свою безусловную несостоятельность, уступилъ, и съ благословеніемъ отпустилъ Петра на предлежащій подвигъ.

Собравшіеся на диспутъ панове шляхта и прочіе зрители премного удивлены были, когда на мѣсто батюшки явился спорить съ жидомъ его *дурный* Петро, какъ его въ селѣ обыкновенно всѣ называли. Слѣдуетъ замѣтить, что панъ—обыватель, сирѣчь помѣщикъ потому именно и не отнималъ Петра отъ священника на свою панскую работу, что считалъ его со всѣми прочими тоже *дурнемъ*. Но дѣлать было нечего. Условіе о замѣнѣ одного спорящаго лица другимъ было сдѣлано торжественно, и скрѣплено панскимъ словомъ гонору. Не измѣнять же его ради глупаго Петра. Да къ тому, при такой постановкѣ дѣла еще вѣрнѣе было сгубить ненавистнаго попа. Пусть же споритъ Петро съ жидомъ на попову голову.

Начинается диспутъ. Жидъ видя, что съ нимъ собирается спорить простой, неотесанный мужикъ, не думаетъ ломать даже голову, чтобы предложить вопросы потруднѣе и не понятнѣе для рѣшенія. Тѣмъ—не менѣе, какъ хитрая голова, онъ задаетъ Петру, повидимому простой, но одинъ изъ тѣхъ вѣковыхъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ котораго трудятся всѣ лучшіе умы человѣчества, и котораго никто не рѣшитъ во вѣки. Жидъ вопрошаетъ:

— Скажи мiнi, де Богъ узявся? т. е. откуда взялся, произошелъ Богъ?—

Многіе изъ образованнѣйшихъ пановъ струхнули, услышавши такой вопросъ, и уже искоса поглядывали на колокольню, откуда сейчасъ полетитъ батюшка, если только Петро не дастъ подходящаго отвѣта.

Но Петро и усомъ не моргнулъ, а обведши недоумѣвающую публику торжествующимъ взоромъ, тономъ самаго глубокаго убѣжденія, не допускающаго ни какихъ возраженій, отвѣтилъ:

— Де взявся?—Во Виѳлеемi родывся....

Крикъ радостнаго одобренія, вырвавшійся изъ груди тутъ же стоявшаго батюшки, электрической искрою проникъ въ сердца всѣхъ присутствующихъ, и громъ рукоплесканій огласилъ воздухъ въ пользу Петра

Струхнулъ и жидъ. Но теперь то онъ и рѣшился поразить противника, пустившись поглубже въ сферу своей талмудической премудрости. Чтобы удобнѣе достигнуть цѣли, онъ избираетъ предметомъ спора вопросъ о человѣкѣ, одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, который всѣхъ труднѣе и запутаннѣе въ системѣ талмудическаго ученія. Впрочемъ, чтобы сразу не огорошить Петра, онъ начинаетъ сбоку и спрашиваетъ:

— А скажи мiнi, якъ первый чоловiкъ назывався?

— Адамъ, преспокойно отвѣтилъ Петро.

— А скажи мiнi....

— Скажи мiнi, скажи мiнi,—возразилъ Петро. Я тобi вже два разы одвичавъ. Одвичай теперъ мiнi. *А якъ мiй батько назывався?*—

Такой неученый вопросъ вывелъ жида изъ себя, тѣмъ болѣе, что вся публика отвѣчала на него единодушнымъ смѣхомъ. Не подозрѣвая, какую бездну состроилъ подъ ногами его Петро своимъ вопросомъ, жидъ изъ ученаго сдѣлался простымъ обиженнымъ жидкомъ, и вмѣсто того чтобы далѣе продолжать споръ, пренаивно сознался:

— А хто iого знае твого батька, якъ вiнъ назывався. Я iого не знаю, и нескажу....

Петру того только и хотѣлось.

— А бiсъ твого батька, клятый жиду, воскликнулъ онъ: то я знаю, де Богъ узявся, и якъ першый чоловiкъ назывався, а ты не знаешь мого батька, пьяницi Грыцка, що вчера вмеръ въ шиньку пiдъ лавкою. Теперь що зъ нымъ робыты панове? Обратился онъ къ публикѣ...

— На колокольню, на колокольню его!! былъ всеобщiй дружный отвѣтъ.

И Петро торжественно поволокъ Рабина на колокольню, чтобы возмѣстить надъ нимъ то зло, которое тотъ думалъ было устроить его батюшкѣ.

2. *Какъ простой сельской батюшка благословилъ трапезу на похоронахъ богатаго польскаго пана.*

Въ старые годы, особенно со временъ унiи, существовалъ обычай, что какъ только умиралъ какой либо панъ—обыватель, то для погребенія его приглашали не толь

цѣлое сонмище разныхъ католическихъ монаховъ изъ сосѣднихъ латинскихъ монастырей, но и священниковъ изъ селеній, принадлежащихъ покойнику. При этомъ священники должны были являться на похороны со всѣмъ приходскимъ *цехомъ*, т. е. съ крестами и хоругвями, и шествуя впереди гроба, на почтительной дистанціи отъ свѣнтыхъ ойцовъ, пѣть по временамъ, если послѣдніе позволятъ: *Святый Боже*, или прочитывать Евангеліе.

Такъ какъ проводы умершихъ пановъ нерѣдко совершаемы были на разстояніи цѣлыхъ десятковъ верстъ отъ ихъ родоваго паллаццо или замка до приходскаго костела, то случалось нерѣдко, что свѣнтые ойцы, уставши пѣть miserere, предоставляли продолжать пѣніе и русскому духовенству, а на остановкахъ дозволяли даже читать Евангеліе, произносить заупокойныя ектеніи о упокоеніи новопреставленнаго грабя Францишка или Людвика, и т. п. Проведши тѣло до костела, священники откланивались и съ своимъ цехомъ отправлялись во своя-си.

Но вотъ на одномъ изъ подобныхъ похоронъ, собравшіеся чуть ли не сотнями въ надеждѣ богатой подачки отцы іезуиты, доминикане, францишкане, кармелиты, бернардины и капуцины, тринитары и реформаты и пр. и пр. порѣшили во чтобы то ни стало не допустить православныхъ священниковъ, (это было уже по возсоединеніи уніятовъ на Волыни) пропѣть и прочитать хотьбы одно слово во все продолженіе погребальнаго шествія. Пропоютъ свое miserere доминикане, какъ за ними начинаютъ de profundis францишкане; кончатъ іезуиты, вслѣдъ за тѣмъ подхватываютъ кармелиты; не успѣютъ замолкнуть бернардины, какъ заголосятъ lamentatio капуцины, и т. д. и т. д.

Терпѣли, терпѣли православные священники и одинъ изъ нихъ посмѣлѣе рѣшился таки перехитрить свѣнтыхъ ойцовъ. Сговорившись предварительно съ дьячками, шествующими въ кортежѣ и отчасти заручившись согласіемъ православныхъ вожаковъ лошадей подъ погребальною колесницею, онъ среди одного самаго многолюднаго мѣстечка, чрезъ которое надо было проходить, прямо передъ православною церковію, вскочилъ во всемъ облаченіи на катафалкъ, и громовымъ голосомъ крикнувши:

*

— Стой!!! сейчасъ же провозгласилъ:

— *И о сподобитися намъ слышанію святаго Евангелія.*

Дьячки подхватили дружными голосами: *Господи помилуй* а вожаки остановились, какъ вкопанные.

Все это не могло не поразить свѣнтыхъ ойцовъ, они поневолѣ должны были умолкнуть. Священникъ межд тѣмъ пресолидно прочиталъ Евангеліе, тутъ же стоя н катафалкѣ провозгласилъ заупокойную ектенію, и за тѣм сошедши съ катафалка, благословилъ кортежъ на дальнѣйшее шествіе. Пока же ойцы собрались съ духомъ дьячки затянули *Святый Боже*, и такъ чрезъ все мѣстечк провели пана съ православнымъ пѣніемъ.

Когда потомъ православные перестали, ксендзы хотя и запѣли, но не такъ уже дружно, и потомъ во всю почти дорогу предоставили распоряжаться батюшкамъ по своему усмотрѣні

Паны не всегда приглашали православныхъ священниковъ на похоронные обѣды; но произведенное удачнымъ чтеніемъ Евангелія впечатлѣніе такъ повліяло на нихъ что они рѣшились на этотъ разъ измѣнить своему обыча и вмѣстѣ съ ксендзами пригласили на обѣдъ и священниковъ. Это еще болѣе озлило свѣнтыхъ ойцовъ, и он рѣшились отмстить противникамъ по своему. Не даром же между ними были Острожскіе и разные другіе іезуит столь находчивые на разныя каверзы для пораженія униженія православныхъ.

Когда наступила пора садиться за обѣдъ, и хозяев обратились къ старѣйшему изъ присутствовавшихъ тут же ксендзовъ—прелатовъ, чтобы онъ благословилъ трапезу, тотъ смиренно-лукавымъ образомъ отказался от этого, указывая, что не они латинскіе ойцы, а прав славные священники здѣсь хозяева, а потому имъ долж принадлежать и честь благословенія трапезы въ ихъ приходѣ. А въ своей душѣ хитрый ойцѣцъ думалъ:

— Нука, пусть полѣзетъ кто съ своимъ не бритым поповскимъ рыломъ на подобное благословеніе. То смѣху будетъ! Не рады будутъ попы, что такъ зло п рехитрили насъ на похоронахъ...

Хозяева поняли намекъ, а можетъ быть и сами был непрочь потѣшить себя съ горя, и потому не споря с прелатомъ, обратились къ священникамъ:

— А ну, батьки, благословитъ, коли панъ прелатъ не хоче....

Ни говоря ни слова, священникъ, такъ удачно прочитавшій Евангеліе, вышелъ на средину компаты, гдѣ стоялъ накрытый столъ, надѣлъ на себя преспокойно епитрахиль, и обратившись къ иконамъ, прочиталъ по обычаю сначала: *Отче нашъ*, и потомъ провозгласивши: *слава тебѣ Христе Боже упованіе наше*, когда другіе пропѣли: *Господи помилуй, Благослови...* поднялъ руку съ православнымъ именословнымъ сложеніемъ перстовъ надъ столомъ, и смотря прямо въ глаза свѣнтымъ ойцамъ, торжественно произнесъ:

— А не тихъ билихъ доминиканивъ, и не тіхъ рыжихъ францишканивъ,—а не тіхъ лысихъ бернардынивъ, а не тіхъ бородатыхъ капуцинивъ,—а не тіхъ босихъ кармелитивъ, а не тихъ чорнихъ езуитивъ,— *Самъ Христе Боже*, благослови ястіе и питіе сіе рабомъ твоимъ, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ....

Даже многіе изъ пановъ торжественно подтянули: *аминь*, когда его запѣли въ заключеніе православные. Съ тѣхъ поръ православный священникъ благословившій трапезу, сдѣлался героемъ дня, а съ нимъ не уронили своего достоинства и прочіе его собратія. Когда же пришлось расчитываться за похороны, то православные получили наравнѣ съ ксендзами, а герой нашъ чуть ли на вдвое болѣе въ добавокъ съ разными квитками на порубку и вывозъ строеваго лѣсу, полученіе нѣсколькихъ бочекъ пива изъ завода, и т. п.

Старые паны любили фацеціи и прещедро надѣляли за нихъ всякаго, кто умѣлъ потѣшить ихъ.

3. *Какъ въ старину ставили Священниковъ на Волыни.*

Въ одномъ изъ селеній древней православной епархіи Острожской на Волыни, въ самый разгаръ уніи, случилось нежданно, негаданно великое горе. Старый, всѣми глубоко чтимый священникъ того села скончался внезапно въ церкви по совершеніи литургіи. Наканунѣ старикъ исповѣдывался у сосѣдняго своего друга — священника, по случаю оканчивающагося Филиппова поста, вечеромъ

надѣлъ чистое бѣлье, долго молился, потомъ съ насту
пленіемъ утра, по обычаю отслужилъ утреню, исправил
кой какія требы по приходу, и приступилъ къ литургі
Никто бы и не подозрѣвалъ ничего, если бы старец
Божій, облачаясь на литургію, не велѣлъ подать себ
давно имъ же самимъ заготовленныя себѣ *на смерт*
ризы, сказавши при этомъ, что онъ служитъ въ послѣд
ній разъ.

Изъ пономарки вѣсть эта проникла въ церковь,
отсюда въ село, такъ что къ концу обѣдни, чуть ли н
все село было въ церкви; а кто не могъ пробраться в
церковь, тѣ тѣснились кругомъ ея, на церковномъ по
гостѣ.

По окончаніи литургіи старикъ вышелъ къ народу с
святымъ крестомъ, осѣнилъ всѣхъ присутствующихъ
уже загробнымъ голосомъ сказалъ имъ:

— Я сейчасъ умираю. Вы знаете, дѣти мои,—вѣдь
имѣю право назвать васъ такъ, потому что между вам
нѣтъ ни одного, котораго бы я не крестилъ въ течен
своей 70-лѣтней службы между вами; вы знаете, как
теперь времена лютыя. Не поспѣшите вы поставить себ
православнаго священника, какъ уніяты нашлютъ своег
Потому совѣтъ мой вамъ и благословеніе: Кланяйте
въ ноги пану Хвоѣ и просите его, чтобы онъ занял
мое мѣсто. Прошу и я васъ паноче, не отказывайтес
сказалъ умирающій, поклонившись въ ноги стоящему ту
же на клиросѣ Хвоѣ....

— А чтобы не откладывать дѣла, продолжалъ стари
рушайте сегодня же съ панотцемъ до Владыки, чтоб
рукоположилъ вамъ его къ празднику. Вы знаете, ч
праздникъ не за горами. Какъ же будете вы безъ служ
и благословенія Божія? А меня грѣшнаго простите в
чѣмъ провинился предъ вами. Се иду къ пославше
меня...

Послѣ сего собравши послѣднія силы, и благослов
всѣхъ трепещущею рукою, старецъ Божій произнесъ:

— Благословеніе Господне на васъ... За симъ ск
нилъ голову на грудь и испустилъ духъ.

— Аминь, аминь, воскликнулъ народъ стоящій въ це
кви, и всѣ міромъ пали въ ноги пану Хвоѣ, прося е

не оставить осиротѣвшей паствы безъ своего водительства духовнаго.

А панъ Хвоя поистинѣ былъ знатный господинъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ молодые годы онъ учился въ Кіевской академіи, кто знаетъ, можетъ быть, съ сыновьями Тараса Бульбы, Андріемъ и Остапомъ; оттуда бѣжалъ въ Запорожье, и перебивши на своемъ вѣку не одинъ десятокъ Ляховъ и Жидовъ, на старость остепенился, женился на старухѣ своихъ лѣтъ, и поселившись въ сосѣднемъ хуторѣ, думалъ доживать вѣкъ во славу Божію, читая божественныя книги, да всякій разъ присутствуя на службѣ Божіей, гдѣ читалъ прекрасно и еще лучше пѣлъ на клиросѣ.

Ему и въ голову не приходило никогда быть священникомъ. Но повиноваться *громадѣ* онъ научился еще въ Запорожьи, и потому крѣпко скрутивши усъ, склонилъ свою побѣдную голову въ знакъ согласія, и тутъ же съ выборными депутатами началъ собираться въ путь для рукоположенія.

А спѣшить надо было во чтобы то ни стало. До праздниковъ оставалось дней 4—5-ть не болѣе. Въ эти дни надо было съѣздить верстъ 50-тъ къ Владыкѣ, заставить его рукоположить пана Хвою и затѣмъ возвратиться въ родное село, чтобы первый день Рождества Христова не оставался безъ службы Божіей. А паче всего, эти проклятые упіяты!!! И не оглянешься, какъ наѣдутъ съ своимъ бритымъ дзѣканомъ (благочиннымъ) и займутъ приходъ въ пользу такого же бритаго пароха чуждаго не только вѣрѣ, но и народу православному....

Еще братство и не помышляло о похоронахъ умершаго, какъ Хвоя съ выборными былъ далеко уже на пути къ Луцку, гдѣ тогда жилъ православный Владыка, одинъ изъ представителей православной Іерархіи, возстановленной Кіевскимъ Митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ. Дорогой имъ пришлось остановиться въ селѣ, гдѣ рыбаки, ловившіе рыбу къ празднику, вытащили небывалаго сома страшной величины. Съ общаго согласія выборные купили этого сома на мірскія деньги и двинулись въ дальнѣйшій путь.

Но какъ ни спѣшили они, все таки пріѣхали *въ каѳедру* только за три дня до Праздника. Въ тотъ же день

предстали всѣ предъ лице Владыки, и обяснивши дѣло, просили рукоположить Хвою къ празднику. Владыка сначала думалъ было отказать, ссылаясь на столь короткій срокъ. Но выборные поднесли ему тарелку червонцевъ, и при этомъ рѣдкостнаго сома, отъ котораго Владыка пришелъ въ такое восхищеніе, что велѣлъ сейчасъ же звонить къ вечернѣ, чтобы завтра, 23 Декабря, посвятить Хвою во діакона, а 24 во священника.

Не смотря на то, что по уставу церковному, на канунѣ Рождества Христова полагается служить литургію вечеромъ, по полудни, Владыка велѣлъ, въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, служить ее непосредственно послѣ полуночи, такъ что къ двумъ тремъ часамъ утра Хвоя былъ уже іереемъ, и сейчасъ же двинулся въ обратный путь, чтобы служить въ селѣ на праздникѣ.

Долго ждали прихожане осиротѣвшаго села новаго батюшки, начиная съ полночи до разсвѣта Рождества Христова. Всѣ отъ мала до велика были во храмѣ, который освѣщенъ былъ по праздничному въ ожиданіи службы Божіей. Уже въ сосѣднемъ селѣ давно отзвонили на всенощное бдѣніе. Вотъ звонятъ на утреню, на девятую пѣснь; начинаютъ трезвонить на литургію, а жданнаго батюшки нѣтъ, какъ нѣтъ. И всѣ опустили головы, какъ горькіе сироты безъ отца. На средину церкви вышелъ дьячекъ, и поклонившись громадѣ на всѣ стороны, какъ бы въ отвѣтъ на общее желаніе, велѣлъ звонить *на часы*. Уже ударили на колокольнѣ разъ, другой, третій, панъ—бакаляръ съ часословомъ собирался выйти на средину, чтобы начать часы, какъ толпа гонцовъ, на взмыленныхъ коняхъ внезапно влетѣла въ село, оглашая воздухъ радостными криками:

— Ѣдутъ, ѣдутъ....

Все вдругъ встрепенулось, ожило; живѣе загудѣли колокола на колокольнѣ, и среди всеобщей радости и ликованія новый батюшка торжественно вошелъ во храмъ и началъ служить всенощное бдѣніе, и т. д.

Не долго потомъ пришлось сельчанамъ ждать и уніятскаго пароха. На третій день праздника ксендзъ дзѣканъ явился съ понятыми, чтобы забрать церковь въ свое вѣдѣніе для передачи потомъ своему собрату по вѣрѣ.

Какъ же онъ изумленъ былъ, когда вмѣсто пустой церкви онъ засталъ ее полную народомъ и тутъ же благолѣпнаго священника, торжественно совершающаго богослуженіе. Ксендзъ дзѣканъ не хотѣлъ сначала вѣрить глазамъ своимъ. Но когда Хвоя показалъ ему свою ставленную грамоту, то тотъ уѣхалъ, благодаря Бога, что озлобленные его пріѣздомъ крестьяне, только по вліянію Хвои, неустроили ему никакой пакости.

Въ послѣдствіи времени одинъ изъ потомковъ Хвои принялъ польскую старинную дворянскую фамилію Хойнацкихъ (Choyna, z Wielkich Choynat, de magnis Choynatiis, Choynacky), и сдѣлался родоначальникомъ цѣлаго рода Хойнацкихъ, изъ коихъ многіе и доселѣ состоятъ служителями алтарна Волыни и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества.

(Окончаніе будетъ).

Лѣтопись текущихъ событій.

Дѣятельность Японской миссіи. Японская миссія наша развиваетъ свою дѣятельность съ прежнимъ успѣхомъ. По послѣднему отчету, въ настоящее время въ вѣдѣніи миссіи состоитъ 116 церковныхъ зданій и 65 общинъ; въ одномъ послѣднемъ году число подвѣдомственныхъ миссіи церквей увеличилось шестью, число же общинъ 27 и 1,118 православныхъ христіанъ. Личный персоналъ миссіи, кромѣ епископа Николая, состоитъ изъ 109 лицъ. Кромѣ трехъ іеромонаховъ, вновь прибывшихъ изъ Россіи, въ распоряженіе миссіи явилась въ Японію, для служенія въ церкви въ качествѣ діаконисы, графиня Ольга Путятина, дочь гр. Евѳ. Вас. Путятина, заключившаго въ 1853—55 году трактатъ съ Японіей, которымъ положено начало постоянныхъ сношеній Россіи съ Японіей.

Мѣры для борьбы съ сектантствомъ. Въ южныхъ епархіяхъ духовная власть продолжаетъ изыскивать мѣры къ борьбѣ съ сектантствомъ. Въ херсонской епархіи выработаны особыя правила для миссіонерства, при чемъ въ первомъ отдѣлѣ ихъ развивается мысль о томъ, что каждый священникъ, какъ продолжатель апостольскаго служенія, по самому своему служенію

есть миссіонеръ, и что исполненіе этой священной обязанности крайне настоятельно и необходимо особенно въ нынѣшнее время, когда «многіе изъ христіанъ здраваго ученія не принимаютъ, но по своимъ прихотямъ избираютъ себѣ учителей, которые льстятъ ихъ слуху». Для исполненія этой священной обязанности священники по этимъ «правиламъ» должны: 1) возможно чаще проповѣдывать въ церкви при богослуженіи, не только на литургіи, но и на другихъ службахъ, по усмотрѣнію; 2) наставлять прихожанъ, при посѣщеніи домовъ ихъ, по разнымъ семейнымъ и хозяйственнымъ обстоятельствамъ; 3) вести внѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ по мѣрѣ удобства; 4) обязательно заниматься обученіемъ дѣтей по закону Божію во всякихъ школахъ и руководить занятіями по другимъ предметамъ въ церковно-приходскихъ школахъ.

Пути распространенія штунды и пашковщины. Въ «Херс. Епарх. Вѣд.» напечатанъ отчетъ о дѣятельности противо-штундистскаго миссіонера прот. І. Опойченко, и въ немъ сообщаются небезъинтересныя свѣдѣнія о путяхъ распространенія штунды. Оказывается, что мѣстные вожаки секты находились и находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Пашковымъ, который, вмѣстѣ съ барономъ Корфомъ, проводилъ въ народѣ, подъ покровомъ религіознаго благочестія, вредныя мысли и стремленія. Къ этимъ лицамъ мѣстные вожаки: Ратушный, Стригунъ и другіе ежегодно ѣздили въ Петербургъ за полученіемъ инструкцій и наставленій, которыми штундисты бредятъ и до селѣ. Отчетъ устанавливаетъ также несомнѣнность того факта, что штунда развивается подъ непосредственнымъ вліяніемъ заѣзжихъ нѣмецкихъ сектантовъ, которые цѣлыми партіями прибываютъ даже изъ Германіи.

Въ томъ же духѣ дѣйствуютъ и много зла приносятъ, по словамъ автора отчета, книгоноши разныхъ сомнительныхъ обществъ, всюду шныряющіе и надѣляющіе книжонками антиправославными и антигосударственными. Потому то и высказываются нерѣдко у штундистовъ, хотя и съ осторожностію, въ разговорахъ съ православными, заявленія, что имъ надобно только усугублять свое стараніе, всевозможными мѣрами вовлекать побольше народа въ штунду, и когда численностію своею превысятъ православныхъ, то тогда они достигнутъ желаемаго и искомаго: устроятъ свое братское царство, изъ своей собственной среды изберутъ главарей, подѣлятся между собою землями по равн

части и заживутъ на славу, не зная ни повинностей и никакихъ другихъ требованій теперешнихъ, а напротивъ, будутъ въ избыткѣ снабжаемы изъ повсемѣстно открытыхъ магазиновъ и золотомъ и всякими другими жизненными припасами. На такомъ именно обманѣ и самообольщеніи и зиждутся успѣхи штундистовъ, и вотъ почему весьма трудна борьба съ ними.

Тутъ очевидно мы видимъ опасную тенденцію секты выродиться въ соціальную доктрину, отзывающуюся идеями гр. Толстого въ его пресловутомъ «царствѣ дураковъ»... И послѣ этого еще находятся въ нашемъ, такъ называемомъ, «интеллигентномъ» обществѣ люди сочувствующіе штундѣ! Страшное помраченіе...

— Между тѣмъ пашковщина и теперь свободно дѣйствуетъ по всѣмъ градамъ и весямъ русской земли, распространяя, особенно по желѣзнымъ дорогамъ, простонародныя брошюрки весьма сомнительнаго достоинства. Вожаки этого сектантскаго движенія и ихъ единомышленники породили, по замѣчанію «Спб. Вѣдомостей», массу издателей книгъ духовно-нравственнаго содержанія; издатели эти, ничего общаго съ духомъ православія не имѣвшіе и имѣть не могущіе, стараются, однако, подлаживаться подъ тонъ и духъ православной церкви, хотя во всѣхъ ихъ изданіяхъ сквозятъ протестантскія тенденціи. Издательская и книгопродавческая дѣятельность гг. Блисмера, Мейера, Кесневиля, Гроте и пр., была такъ успѣшна, что ею соблазнились и варшавскіе дѣятели: три года назадъ, на Беднарской улицѣ, въ Варшавѣ, открылся цѣлый складъ подобныхъ же изданій на р.-католической подкладкѣ. («Церк. Вѣстн.»).

Присоединеніе къ православію. 8 ноября, въ С.-Петербургской духовной академіи совершилось торжественное присоединеніе къ православію изъ лютеранства студента дерптскаго университета Генриха Раски. Воспріемникомъ его при нареченіи имени былъ В. К. Саблеръ. Обрядъ присоединенія къ православію совершалъ ректоръ академіи, епископъ Арсеній. Студентъ Раска, названный при нареченіи Владиміромъ, желаетъ продолжать свое образованіе въ духовной академіи и по окончаніи курса посвятить себя на служеніе православія въ Остзейскомъ краѣ.

Торжественныя похороны простаго человѣка. «Уфимскія Губернскія Вѣдомости» сообщаютъ: Въ городѣ Уфѣ 18 сентября сего года скончался строитель Никольской церкви Николай Васильевичъ Гурьевъ, имѣя почти 90 лѣтъ отъ роду.

Крестьянинъ Ярославской губерніи приписавшійся въ послѣдствіи въ мѣщане города Уфы, онъ, при своемъ знаніи дѣла и усердіи въ сборѣ пожертвованій, сумѣлъ построить прекрасную церковь и именно въ такой части города гдѣ церковь была крайне необходима. Вслѣдствіе просьбы прихожанъ къ министру Внутреннихъ Дѣлъ, телеграммой отъ него разрѣшено похоронить возлѣ церкви строителя оной, который въ пользу ея пожертвовалъ и послѣднее свое достояніе—свой домъ въ которомъ жилъ. Отпѣваніе совершалъ самъ преосвященнѣйшій Діонисій епископъ Уфимскій. Безо всякаго оповѣщенія, народу собралось множество; церковь не могла вмѣстить желающихъ присутствовать при погребеніи; цвѣтами былъ не только украшенъ гробъ, но и усыпанъ весь путь до могилы.

30-ти-лѣтній юбилей протоіерея Д. П. Соколова. 30 октября въ С.-Петербургѣ праздновался 30-лѣтній юбилей педагогической дѣятельности члена учебнаго Комитета при Св. Синодѣ и настоятеля церкви Маріинскаго дворца, Протоіерея Димитрія Павловича Соколова. Юбиляру были поднесены адресы и поздравленія отъ многочисленныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ потрудился онъ. На юбилейномъ торжествѣ, закончившемся обѣдомъ, присутствовали: духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протопресвитеръ І. Л. Янышевъ, предсѣдатель Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ протоіерей А. И. Парвовъ и многіе другіе представители духовнаго вѣдомства. Во время обѣда была получена, въ числѣ другихъ, поздравительная телеграмма отъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянова и произнесенъ рядъ рѣчей, въ которыхъ по достоинству оцѣнена благотворная и многополезная духовно-просвѣтительная и педагогическая дѣятельность достопочтеннаго юбиляра.

Трогательный фактъ. 4 ноября въ одномъ изъ простенькихъ петербургскихъ трактировъ собрались, разсказываютъ «Новости», солидные пожилые люди купеческаго сословія, нѣкогда крѣпостные Петра Павловича Демидова, крестьяне села Воскресенскаго, Угличскаго у. Ярославскоой губ. Ильинской волости, ученики мѣстной сельской школы. Собрались они для того, чтобы въ день пятидесятилѣтняго юбилея своего наставника заочно поздравить его, выпить за его здоровье и пожелать маститому педагогу благополучнаго продолженія его благотворной дѣятельности. Въ 1836 г. въ эту школу учителемъ поступилъ 26-лѣтній семинаристъ Степанъ Петровичъ Алякринскій и съ тѣхъ поръ

продолжаетъ пользоваться неизмѣнною любовью и уваженіемъ своихъ бывшихъ и настоящихъ питомцевъ. Не смотря на 76 лѣтній возрастъ, Степанъ Петровичъ съ юношескимъ рвеніемъ исполняетъ свои обязанности. Въ его школѣ постоянно насчитывается до 80 учениковъ и учеництъ. Ученики маститаго юбиляра, чествовавшіе его полезную дѣятельность, послали ему поздравительную телеграмму. Тутъ же была выражена мысль порадовать бѣднаго честнаго труженика какимъ-нибудь подаркомъ, и кромѣ того обратиться съ ходатайствомъ къ начальству о награжденіи столь рѣдкаго труженика въ дѣлѣ народнаго образованія.

Предполагаемый журналъ для церковно-приходскихъ школъ. По словамъ кіевскихъ газетъ, высокопр. Платонъ, митрополитъ кіевскій, заботясь о преуспѣяніи церковно-приходскихъ и вообще народныхъ школъ ввѣренной ему епархіи, предложилъ профессорамъ кіевской духовной академіи издавать журналъ для церковно-приходскихъ школъ по удешевленной цѣнѣ (3 р., а если возможно будетъ, и меньше въ годъ), при чемъ журналъ этотъ долженъ обязательно выписываться во всѣ церковно-приходскія школы епархіи. Лавра, съ своей стороны, беретъ на себя обязательство печатать журналъ безплатно въ своей типографіи и на своей бумагѣ въ количествѣ 1.300 экземпляровъ. Газеты слышали, также, что профессоръ академіи г. Малышевскій изъявилъ согласіе принять на себя редакторство предполагаемаго изданія.

Нѣчто о педагогической контрабандѣ. На грустныя размышленія наводитъ разсказъ «Кіевлянина», о судѣ надъ педагогическою контрабандой, изловленной полиціею Радомысльскаго уѣзда. Контрабандистъ пріютился подъ оффиціальною кровлей церковно-приходской школы, гдѣ и производилъ розничную торговлю своими убогими познаніями, не имѣя на то установленнаго торгово-педагогическаго значка. Эта преступная дѣятельность не укрылась отъ полицейскихъ прозорливцевъ, которые и накрыли самозваннаго педагога на мѣстѣ преступленія, а оттуда повлекли его на всенародное судилище, оставивъ быть можетъ не одну дюжину любознательныхъ ребятъ, не на одинъ можетъ быть мѣсяцъ не удовлетворенными въ ихъ позволительной жаждѣ просвѣщенія.

Окружный судъ къ великому, безъ сомнѣнія, смущенію и изумленію полиціи, оказалъ потворство контрабандѣ, и педагога-самозванца оправдалъ. Но этотъ единичный случай способенъ

только внести смущеніе въ умы и вызвать недоумѣніе, въ конечномъ результатѣ далеко не выгодное и не желательное для престижа административной власти. Такъ оно и вышло на сей разъ. Простодушные хохлы, руководимые однимъ лишь практическимъ здравымъ смысломъ, совершенно незнакомые съ полнымъ комплектомъ административныхъ распоряженій по вѣдомству народнаго просвѣщенія, знавшіе контрабандиста-педагога за пригоднаго ихъ дѣтямъ учителя, усмотрѣли въ поступкѣ съ нимъ урядника, становаго и исправника конечно не болѣе какъ каверзу, и пока это полицейское тріо, исполняя свои служебныя обязанности, тащило его въ судъ, дивились и спрашивали: «Якъ же то? Жидамъ можно учить своихъ дѣтей, а намъ не можно»?

Увы! Прискорбный по нравственному впечатлѣнію на населеніе, куріозный самъ по себѣ, разсказанный случай еще болѣе печаленъ по тому именно, что тутъ полиція дѣйствовала, хотя и ко вреду народнаго просвѣщенія, но вполнѣ на законномъ основаніи.

Дѣйствительно, въ половинѣ 60-хъ годовъ состоялось по министерству народнаго просвѣщенія распоряженіе, въ силу коего права какъ оффиціальной, такъ даже и частной педагогіи, ограничивались извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, который выражается или свидѣтельствомъ объ окончаніи курса въ томъ или другомъ учебномъ заведеніи, или же сдачей того или другаго экзамена. Будь оно своевременно и добросовѣстно примѣнено по всему пространству Россійской Имперіи, оно могло бы серіозно угрожать народной грамотности, и теперешнее поколѣніе русскаго простонародья рисковало бы вырости почти поголовно безграмотнымъ: всѣ эти дѣвушки-вѣковушки, отставные солдаты и ундера, даже традиціонные сельскіе дьячки и т. п.—гдѣ же имъ сдавать экзаменъ на учительское право? Да если бы они и отважились на то, гдѣ же бы имъ его выдержать?

Къ счастію, ни тѣхъ, ни другихъ, ни третьихъ распоряженіе не задѣло: произведенная имъ суматоха ограничилась столицами да главнѣйшими изъ губернскихъ городовъ, гдѣ дѣйствительно не мало, какъ мы знаемъ, непатентованныхъ учителей и учительницъ были вынуждены полиціей отказаться отъ привычнаго заработка именно въ силу этого распоряженія, и даже газетная публикація объ урокахъ стала немыслима безъ представленія диплома на званіе домашняго учителя. Въ Москвѣ мы знали въ то время нѣсколько случаевъ, когда опытныя, понаторѣвшія въ

дѣлѣ и стажавшія обширную практику среди небогатаго люда пожилыя дамы позакрывали свои школки, которыми кормились, и пошли искать казеннаго хлѣба по богадѣльнямъ и пріютамъ. Многочисленная група таковыхъ же, менѣе добросовѣстныхъ и болѣе практическихъ, обзавелась подставными патентованными сотрудницами, и безпечально осталась при прежнихъ занятіяхъ подъ чужою фирмой. А самое распоряженіе поступило, съ теченіемъ времени, въ полицейскіе архивы, откуда, какъ не потерявшее своей обязательной силы, и извлекается въ случаѣ надобности предусмотрительными чинами городской и сельской полиціи, какъ это и было въ Радомысльскомъ уѣздѣ.

Самый фактъ, что неимѣющій педагогическихъ правъ мѣщанинъ, очевидно мѣстный грамотѣй, былъ допущенъ къ преподаванію въ церковно-приходской школѣ, надъ которой существуетъ же опредѣленный начальническій надзоръ, доказываетъ, какъ мало значенія придается сказанному распоряженію даже въ тѣхъ сферахъ дѣятельности, для которыхъ оно имѣетъ существенную важность.

А тотъ фактъ, что оно въ указываемомъ случаѣ сослужило очень прискорбную службу, возбуждаетъ вопросъ о его практической состоятельности вообще, и вопросъ этотъ является какъ нельзя болѣе благовременнымъ. Высочайшая воля только что указала и административному и общественному вниманію на церковно-приходскія школы, какъ на простѣйшій и могущественнѣйшій факторъ народнаго просвѣщенія. Пригрѣтыя Августѣйшимъ милостивымъ вниманіемъ, эти немудреныя учебныя заведенія плодятся какъ грибы, для нихъ постоянно требуется не мудрящій, но обильный педагогическій персоналъ, для пополненія котораго едва ли хватитъ всего наличнаго патентованнаго педагогическаго сословія Россіи. Подумать страшно, чего могутъ натворить всѣ эти гг. урядники и становые, если, въ виду послѣдняго обстоятельства, съ помянутымъ распоряженіемъ въ рукахъ, вооружатся своимъ полицейскимъ усердіемъ по части произведенія порядка въ сферѣ сельской педагогіи! Сколько преступниковъ будетъ изловлено, сколько работы прибавится окружнымъ судамъ по разсмотрѣнію ихъ педагогическихъ злодѣяній, какая мерзость запустѣнія водворится въ церковно-приходскихъ школахъ, и смута въ умахъ населенія!

И во избѣжаніе всего этого пора бы озаботиться или объ уничтоженіи, или объ измѣненіи мертво-рожденной канцеляр-

кимъ формализмомъ мѣры, тѣмъ болѣе что она, въ теченіе четверти столѣтія, не достигла и той единственной цѣли, какою во время ея узаконенія оправдывалась. Мѣрою этой, сколько помнится, хотѣли преградить позорной памяти нигилистамъ, измыслившимъ пресловутое хожденіе въ народъ, дорогу къ народной школѣ, которую они мечтали забрать въ свои руки. Хотѣли въ томъ теоретическомъ соображеніи, что аттестація педагогической годности патентованнымъ учителямъ и учительницамъ будетъ предоставляема только при условіи нравственной и политической благонадежности и добраго поведенія. Но на практикѣ вышло нѣчто прямо противоположное: громадный контингентъ немудреныхъ грамотѣевъ, политическая благонадежность коихъ была и есть выше всякаго сомнѣнія, этою мѣрой сразу устранялась съ педагогическаго поприща; административная аттестація нравственной и политической благонадежности обратилась въ пустую полицейскую формальность, а къ сдачѣ экзамена на право учительства и къ полученію дипломовъ на таковое всѣхъ способнѣе оказались какъ разъ нигилисты и нигилистки, въ большинствѣ случаевъ прошедшіе если не высшія, то среднія школы. Что они дѣйствительно, послѣ этого именно распоряженія, и можетъ быть даже благодаря ему, сумѣли пробраться въ народную школу въ значительномъ числѣ, это не разъ свидѣтельствовалось оффиціально. Какъ они тамъ орудовали—тоже извѣстно.

(Соврем. Извѣстія).

Въ г. Ровно открыто частное женское училище I разряда С. Г. Сильвестровой. Преподавателями всѣхъ предметовъ состоятъ учителя Ровенскаго реальнаго училища. Училище помѣщается въ домѣ штабъ-лекаря Сильвестрова, на Броварной улицѣ, № 130.

С. Сильвестрова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

НА

1887 г. (VI изданія) 1887 г.

Журналъ **«Кіевская Старина»**, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1887 году ежемѣсячно, **1-го числа**, книжками **въ 12 и болѣе листовъ**, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Въ наступающемъ 1887 году будетъ продолжено начатое съ іюня сего года печатаніе неизданныхъ повѣстей Т. Гр. Шевченка на русскомъ языкѣ и приступлено къ печатанію не вошедшихъ въ этотъ годъ нѣкоторыхъ статей и матеріаловъ, какъ-то: Исторіи козачества, проф. *В. Б. Антоновича*, Дневника *С. П. Лашкевича*, съ предисловіемъ *Ѳ. Д. Николайчика*, и проч. Сверхъ того вновь имѣются въ виду къ помѣщенію: Записки *Ярославскаго* о новороссійскомъ краѣ въ концѣ XVIII ст., сообщ. *П. С. Ефименкомъ*, Историческія Записки о войскѣ черноморскомъ, асаула *А. М. Туренка*, Переписка *В. Гр. Полетики* съ *А. И. Чепою* (1810—1811 гг.) и статьи: Колдовство въ юго-западной Руси конца XVIII и начала XIX ст., проф. *В. Б. Антоновича*, Историческій очеркъ рода Горленковъ, князя А. В. Дабижи, Вліяніе южно-русской литературы XVII в. на раскольничью литературу XVIII в., проф. *Н. Ѳ. Сумцова*, Апокрифическіе элементы южно-русской народной словесности *его-же*. Объ уличныхъ малорусскихъ прозвищахъ, *его-же*. Поминка о турѣ въ малорусской народной поэзіи, *его-же*. Крестьянскія движенія въ грайворонскомъ уѣздѣ курской губерніи, *Н. А. Добротворскаго*, Къ исторіи колонизаціи слоб. Украйны, *Д. И. Багалья*, Историко-географическій очеркъ г. Ямполя, *К. М.* и проч.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при выпискѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Разсрочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодіямъ, или по предварительному соглашенію съ редакціею.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакція покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенія счетовъ по изданію нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за эти годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за 3 15%, и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцію **«Кіевской Старины»**, Кіевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакціи.

Редакторъ-издатель **Ѳ. Лебединцевъ.**

успѣла зарекомендовать себя предъ своими читателями. Не отступая ни на шагъ отъ намѣченной цѣли, редакція «**РОДИНЫ**» находитъ возможнымъ сдѣлать газету вполнѣ **семейнымъ журналомъ**, расширить ее еще больше введеніемъ новыхъ отдѣловъ и дать своимъ подписчикамъ въ 1887 году, кромѣ 52 еженедѣльныхъ №№ (отъ 2—2½ листовъ), **48 даровыхъ приложеній.** Гг. подписчики получатъ въ теченіи года 52 №№ текста, мелкаго убористаго шрифта, съ иллюстраціями которые будутъ заключать въ себѣ все, что только можетъ интересовать провинціальнаго читателя въ области политики, литературы, науки, знанія и искусства. Газета, по прежнему будетъ помѣщать: романы, повѣсти и разсказы, преимущественно изъ современной русской жизни, былины, пѣсни, стихотворенія, шарады, прибаутки загадки и пр. и пр.

12 №№ Новѣйшихъ Парижскихъ модъ: рукодѣлья, дамскія и дѣтскія моды (съ рисунками и описаніемъ къ нимъ).

12 №№ Сельскаго хозяйства и Домоводства.

12 №№ «Всемірнаго Путешественника» (разсказы и повѣсти изъ всемірнаго путешествія съ рисунками).

12 №№ Дѣтскаго чтенія.—Повѣсти и разсказы съ рисунками. Кромѣ того, редакція нашла возможнымъ дать своимъ подписчикамъ въ видѣ **преміи** за одинъ рубль особое прибавленіе ежемѣсячныхъ книжекъ убористой печати: **собраніе романовъ**, повѣстей и разсказовъ лучшихъ писателей (12 книжекъ въ годъ), которыя будутъ вполнѣ закончены и составятъ цѣнный вкладъ въ библіотеку каждаго семейства. Стоимость этихъ книгъ въ отдѣльной продажѣ превыситъ вдвое цѣну самого журнала. Подписка на «собраніе романовъ» отдѣльно не принимается. Подписная цѣна на газету «**РОДИНА**» остается прежняя, то есть: за годъ, 52 № и 48 даров. приложеній, безъ доставки **3 р.** 52 № и 48 даров. приложеній, съ пересылкой во всей Россіи **4 р.** За годъ, 52 №№ газеты, 48 даровыхъ приложеній, календарь и 12 книжекъ собраніе романовъ, съ пересылкой и доставкой **5 р.** Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 руб.— 1-го марта 1 руб., 1-го мая 1 руб. и 1-го іюля 1 руб.

Гг. подписчики, выславшіе сполна подписную годовую сумму на 1887 г. получатъ безплатно (съ первымъ № газ. «Родина») **иллюстрированный календарь** для домашняго обихода и справокъ на 1887 годъ. Подписка адресуется исключительно: въ редакцію «**РОДИНЫ**» С.-Петербургъ, Невскій просп. д. № 80.

Редакторъ *И. Пономаревъ.*

Издатель *А. Каспари.*

---

12 ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній «РОМАНЫ и повѣсти», выходящихъ **отдѣльно книжками** въ объемѣ до 10 печатныхъ листовъ въ 8-ю долю. Книжки будутъ содержать по преимуществу, **одинъ цѣлый законченный оригинальный или переводный** романъ или повѣсть; новѣйшіе романы и повѣсти современныхъ иностранныхъ авторовъ будутъ помѣщены въ книжкахъ цѣлыми листами, съ особою нумераціею страницъ, по мѣрѣ выхода этихъ произведеній за границею, такъ что по окончаніи романа удобно будетъ сброшюровать листы въ одну книгу.

12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «новѣйшихъ Парижскихъ модъ» съ отдѣлами: *«Умнѣе одѣваться со вкусомъ», «Совѣты по гигіенѣ», «Рецепты по хозяйству»*, и проч. и съ приложеніемъ особаго листа: «ИЗЯЩНЫЯ РУКОДѢЛЬЯ».

ТРИ ПРЕМІИ:

1) *«БОСФОРЪ»* (при лунномъ свѣтѣ) Большая эффектная художественно-исполненная олеографія въ 32 краски, съ картины извѣстнаго профессора живописи А. Ригера. Сюжетъ преміи журнала представляетъ предмѣстье Константинополя «**Босфоръ**» (при лунномъ свѣтѣ) съ его роскошною растительностью, высокими минаретами, и мечетями, ступени которыхъ омываются волнами Мраморнаго моря. Картина замѣчательна какъ по своему поразительному **эффекту и художественному** выполненію такъ и по историческому значенію изображаемаго ею завѣтнаго пункта, на который столько вѣковъ сряду обращено вниманіе не только всего вообще русско-славянскаго міра, но и другихъ европейскихъ государствъ и народовъ. Длина картины **полтора** аршина, высота **одинъ** аршинъ. Цѣна картины въ отдѣльной продажѣ **12** рублей.

2) ***НѢСКОЛЬКО ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ*** (большими листами), въ видѣ гравюръ-копій съ картинъ лучшихъ художниковъ русской иностранной школы, отпечатанныхъ въ **два** или **три тома**, что въ концѣ года составитъ «**Художественный альбомъ**».

3) *СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1887 годъ.*

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала на первомъ планѣ будутъ стоять произведенія **русскихъ** художниковъ и важное мѣсто въ иллюстраціяхъ займутъ сцены изъ **русской жизни**, **виды** различныхъ мѣстностей и городовъ **Россіи**, **копіи** съ **картинъ**, обратившихъ на себя вниманіе на послѣднихъ выставкахъ, и съ извѣстныхъ картинъ **русской школы**, иллюстраціи къ произведеніямъ знаменитыхъ **русскихъ иностра**

ныхъ писателей и виды живописныхъ и замѣчательныхъ мѣстностей **всѣхъ странъ** земнаго шара и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—съ пересылкою **8** руб.—Безъ пересылки **6** руб. **60** к.
Подписавшіеся и внесшіе деньги въ декабрѣ—получатъ главную премію «Босфоръ» въ теченіе февраля 1887 года.

Въ виду нѣкоторыхъ заявленій гг. подписчиковъ 1886 года о неакуратной доставкѣ премій бандерольнымъ способомъ, доставка таковыхъ въ 1887 году будетъ производиться **только цѣнными посылками**, а потому гг. иногородные подписчики, желающіе получить картину **«БОСФОРЪ»** благоволятъ **прилагать** на пересылку ея **60 коп. за каждый экземпляръ.**

Адресъ Конторы: Спб., Невскій пр., у Анич. моста, д. № 68—40.

Редакторъ **П. Полевой.** Издатель **С. Добродѣевъ.**

О ПОДПИСКѢ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ

ПОЛИТИЧЕСКУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

(БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТЫЙ)

При новомъ составѣ редакціи газета, не измѣняя своего направленія, вновь реформирована, увеличена въ форматѣ, и по своей обширной программѣ и своевременному сообщенію выдающихся новостей, можетъ вполнѣ замѣнить собою дорогую газету и иллюстрированный журналъ.

При воскресныхъ нумерахъ выходитъ безплатное приложеніе въ видѣ еженедѣльнаго ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА, въ который входятъ: **повѣсти, романы, разсказы** (оригинальные и переводные), **портреты** современныхъ и историческихъ дѣятелей, **рисунки** бытовые, историческіе и современные, преимущественно, изъ русской жизни, а также **карикатуры.** Кромѣ того годовые подписчики въ теченіе года получатъ **нѣсколько художественныхъ приложеній.**

Приложеніе печатается на веленевой глазированной бумагѣ, и въ концѣ года составитъ отдѣльный изящный томъ, къ которому будетъ выдана обертка въ нѣсколько красокъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Гуситское движеніе въ первый періодъ его развитія (до смерти Гуса) и участіе въ немъ Пражскаго университета (продолженіе). Изъ прошлаго въ области религіозно-нравственной жизни на Волыни (продолженіе). Лѣтопись текущихъ событій. Объявленія.

№ 33 Вол. Епарх. Вѣд. сданъ на почту 21-го Ноября 1886 г.

Редакторъ **П. Бѣляевъ.**

Дозволено цензурою. Кременецъ. 21-го Ноября 1886 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.